

Н.В. ВОРОБЬЕВИнститут географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия, vorobyev@irigs.irk.ru**МИГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ СИБИРИ**

Рассматриваются основные направления миграционного движения, динамика миграционных процессов и проблем сибирского макрорегиона. Оцениваются миграционные потоки в регионах на основе анализа базовых статистических показателей Росстата за 2016–2020 гг. Рассмотрено влияние миграционных проблем на комплексное развитие регионов через миграционный отток населения, снижение численности и относительное ухудшение качества населения. На основании анализа миграционных потоков, объединенных по признакам географического положения, транспортной освоенности, центрально-периферийных отношений, были выделены семь групп миграционных проблем для всех сибирских регионов. Дается систематизированное представление о миграционных процессах и проблемах в сибирских регионах, которое может использоваться для корректировки методик оценки миграционного состояния и разработки региональной социально-экономической политики.

Ключевые слова: население, миграционные потоки, миграционные проблемы, регионы, Сибирь.

N.V. VOROBYEVV.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
664033, Irkutsk, ul. Ulan-Batorskaya, 1, Russia, vorobyev@irigs.irk.ru**MIGRATION TRENDS AND PROBLEMS FACING THE REGIONS OF SIBERIA**

The main directions of the migratory movement and the dynamics of migration processes and the problems facing the Siberian macroregion are considered. An assessment is made of the migration flows in the regions on the basis of analyzing the basic statistical indicators of Rosstat for 2016–2020. The influence of the migration problems on a comprehensive development of the regions through the migration outflow of population, the depopulation and a relative quality deterioration of the population is considered. On the basis of analyzing the migration flows combined according to the attributes of the geographical location, transportation development and the center-periphery relations, seven groups of migration problems were identified for all Siberian regions. A systematic view of the migration processes and problems in Siberian regions is suggested, which can be used in updating the techniques of assessing the migration status and developing the regional socio-economic policy.

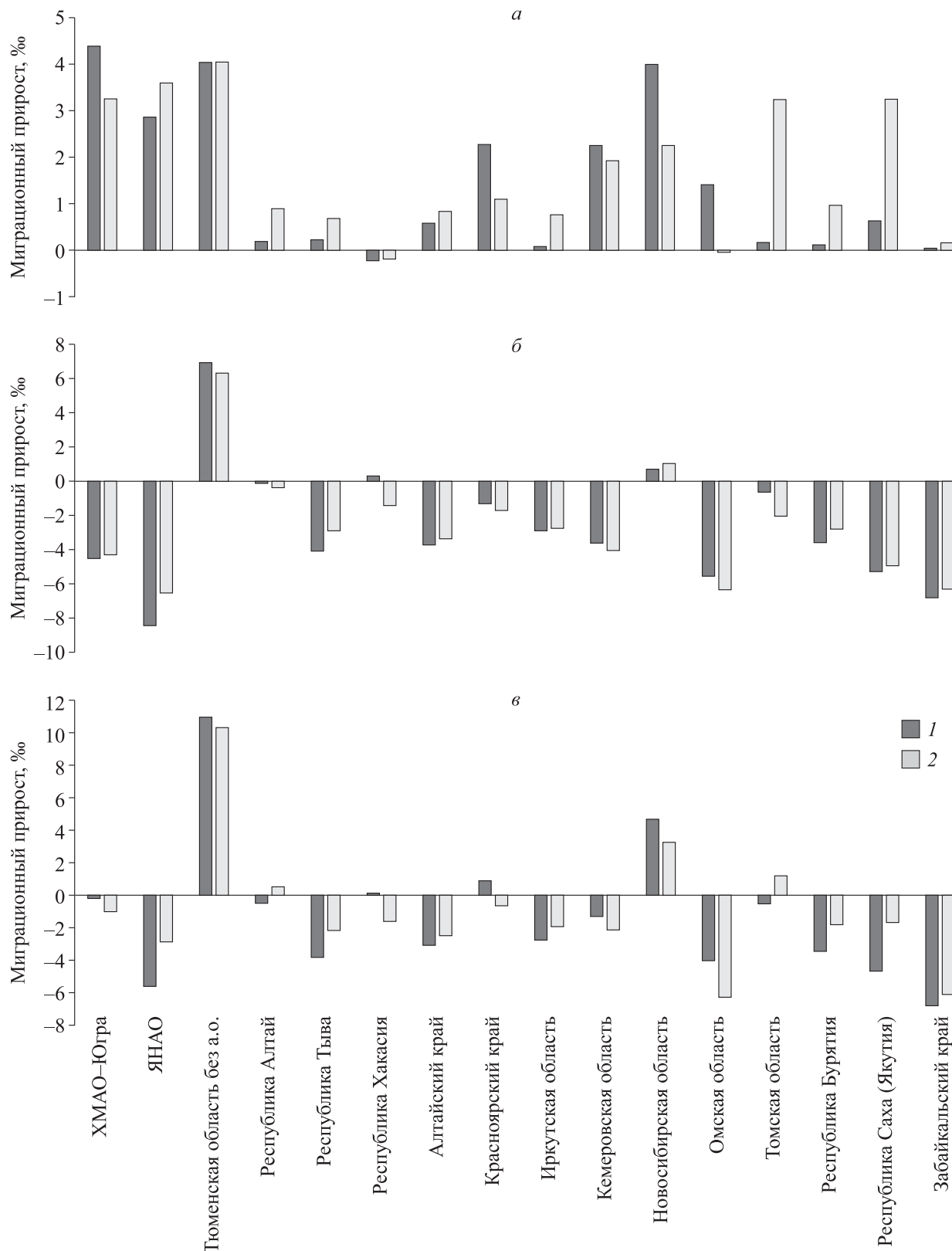
Keywords: population, migration flows, migration problems, regions, Siberia.

ВВЕДЕНИЕ

Российские миграционные исследования, как правило, имеют четко выделенную территориальную выраженность. Обсуждая общероссийские проблемы, авторы уделяют значительное внимание миграционным вопросам в восточных регионах страны [1, 2]. Во внутрироссийских миграциях отмечаются: отток населения с севера и востока на запад страны с подрывом демографического и трудового потенциала на востоке страны; процессы оголения приграничных регионов; сокращение сельского населения с разрушением сети сельского расселения; усиление центростремительного перераспределения населения в ограниченное число мегаполисов страны [1].

В работах сибирских ученых определяются направления перемещений, факторы миграции, подчеркивается, что миграционные проблемы являются вызовом для устойчивого развития макрорегиона в условиях депопуляции [3, 4]. В наших предшествующих работах внимание концентрировалось на социально-демографических проблемах [5], миграционной ситуации в условиях вызовов XXI в. [6], миграционных изменениях в Сибири в целом [7].

Объектами изучения являются территории сибирского макрорегиона в историко-культурных границах Сибири, включая 16 регионов — субъектов Российской Федерации: 10 регионов, составля-

Миграционный прирост населения регионов, на 1000 чел. в среднем за год.

Миграция: а – межгосударственная, б – внутрироссийская, в – всего. 1 – 2016–2017 гг., 2 – 2018–2019 гг.

ющих Сибирский федеральный округ; входящие в Уральский федеральный округ Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО); входящие в Дальневосточный федеральный округ Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Забайкальский край.

Используются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), в том числе статистические сборники и бюллетени за ряд лет [8–10]. Исследуемый период — 2016–2019 гг., в которые действовали основные стабильные факторы и тенденции миграции (до 2011 г. статистический учет миграции отличался от современного, в 2014–2015 гг. был приток беженцев с Украины, в 2020 г. миграционные факторы, тенденции и в целом ситуация складываются под влиянием пандемии коронавирусной инфекции COVID-19).

Выполненный расчет миграционного прироста населения, с разделением на межгосударственный и внутрисистемный источники, визуализирует межрегиональную дифференциацию миграции (см. рисунок).

Цель настоящего исследования — анализ и систематизация миграционных тенденций и проблем в регионах Сибири. В содержательном смысле миграционные проблемы — систематически воспроизводимые диспропорции (в составе населения, рабочих местах, жилье и т. д.) между миграцией и соответствующей стороной развития территориальных систем.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Для анализа нами используется ряд географически выраженных постсоветских тенденций миграции: «снижение объема постоянной миграции при росте временной (учитываемой по месту пребывания); центростремительный внутрирегиональный вектор движения мигрантов; отрицательный, “западный” межрегиональный вектор движения мигрантов; положительный вектор межгосударственного движения мигрантов; миграционное обезлюдение периферийных территорий; замедление экстенсивной урбанизации из-за исчерпания демографических ресурсов села и роста цен на городское жилье; усиление субурбанизации в зонах влияния крупнейших городов; стягивание населения в городские агломерации Транссибирского экономического коридора» [7, с. 177].

Сравнительно-географический анализ и оценка миграционной ситуации в сибирских регионах в 2016–2019 гг. показывают ряд общих, особенных и уникальных признаков. В результате анализа определены ключевые показатели и проблемы для каждого региона: сальдо миграции, подвижность населения, соотношение внутренних и внешних миграций, направление и величина внутрисистемных и межгосударственных миграций, роль регионального центра в миграционном движении населения.

ХМАО–Югра (1 674,7 тыс. чел.) имеет сальдо миграции –3,4 тыс. чел. В последние годы (2016–2019) отток населения внутри России превосходит приток иммигрантов из зарубежья. Миграционная подвижность населения вдвое превышает среднесибирский уровень. Экономическое благополучие нефтяной отрасли предопределяет миграционную ситуацию в ХМАО. Высокий спрос на рабочую силу в нефтедобыче и смежных отраслях — главный фактор миграционной привлекательности округа. Вследствие этого ХМАО имеет большие объемы трудовой миграции за счет вахтовиков.

ЯНАО (544,4 тыс. чел.) — сальдо миграции — –9 тыс. чел. Укорененность населения ЯНАО ниже, чем в других сибирских регионах, поскольку население округа сформировано за счет поколений недавних мигрантов и их потомков. Миграционная подвижность населения вдвое превышает среднесибирский уровень. На внутриокружные потоки приходится менее 40 % всех миграций. Миграционная убыль сложилась за счет внутрисистемных миграций, частично компенсируемых иммигрантами. Заработки на газодобыче привлекают в города и поселки ЯНАО и россиян, работающих вахтовым методом, и трудовых мигрантов из зарубежных стран.

В *Тюменской области* (1 537,4 тыс. чел. в 2020 г.) сальдо миграции составляет +63,7 тыс. чел. В 2000-х гг. юг Тюменской области как опорная база освоения северных нефтегазовых ресурсов стал привлекательнее для мигрантов, чем северные округа (ХМАО и ЯНАО), вследствие роста потребности в рабочей силе для развития производства и сферы услуг. Миграционная подвижность населения значительная, но ниже, чем в северных округах. Тюменская область — «открытый» регион с высокой долей внешних мигрантов. Внутриобластные миграции ориентированы на областной центр. Быстрорастущая Тюмень — лидер среди сибирских городов по абсолютному и относительному миграционному приросту населения. Основные источники миграционного роста населения Тюменской области — это переселенцы из нефтегазодобывающего Севера; из своей сельской местности и соседних Курганской и Омской областей; из Казахстана.

Омская область (1 926,7 тыс. чел.) — сибирский лидер по абсолютной миграционной убыли населения (–40 тыс. чел.). Так, в 2019 г. отток населения (–12,1 тыс. чел.) стал антирекордом за весь постсоветский период. Для области характерны внутренние миграции и низкая подвижность населения. Вследствие моноцентричности области половина внутренних мигрантов направляется в Омск. Российское направление миграции регулярно поглощает население области, что лишь частично компенсируется притоком из Казахстана. Основные миграционные потери регион несет в пользу Тюменской области, Москвы, Санкт-Петербурга и Краснодарского края. Главные детерминанты миграционных потерь — низкая заработная плата и неполноценная инфраструктура.

Новосибирская область (2 798,2 тыс. чел.) — регион с миграционным приростом населения. Сальдо миграции — +44,4 тыс. чел., в том числе в 2019 г. +10,2 тыс. чел. Миграция остается единственным источником увеличения численности населения, пока компенсирующим растущую естественную убыль населения. Межгосударственные и межрегиональные миграции имеют повышенное значение, а на внутриобластные приходится менее половины всего миграционного оборота. Постоянный прирост населения обеспечивается межгосударственными миграциями. Наибольшая убыль населения происходит в удаленных муниципальных районах. Основной полюс притяжения людей — Новосибирская городская агломерация. Большая часть переселенцев — выходцы из Казахстана и стран Средней Азии. Сами жители Новосибирска переезжают в западные регионы с более высокими зарплатами и уровнем жизни.

Томская область (1 079,3 тыс. чел.) — один из четырех сибирских регионов с миграционным приростом населения (+1,7 тыс. чел.) вследствие относительно высокой и современной комфортной среды жизни. Если на протяжении 2000-х гг. имелся постоянный миграционный прирост, то показатели прироста/убыли населения в последние четыре года очень нестабильны, сменяют друг друга. Миграционная подвижность населения повышенная. Внутриобластная миграция составляет менее 50 % всего миграционного оборота населения.

Кемеровская область (2 657,9 тыс. чел.) — один из регионов с минимальной миграционной подвижностью населения. Сальдо миграции составляет –14,7 тыс. чел. Внутрирегиональные миграции преобладают над внешними. Население Кузбасса убывает за счет миграции в другие российские регионы, а миграция из стран постсоветского пространства компенсирует менее половины этой убыли. Внутри области миграционный прирост сложился в Кемеровском и Новокузнецком городских округах и соответствующих районах.

В *Алтайском крае* (2 317,2 тыс. чел.) сальдо миграции составляет –26,1 тыс. чел. Отток населения края в другие регионы — один из наибольших в России. Край остается донором мигрантов для соседних урбанизированных регионов. Из края интенсивно выбывает молодежь в крупные центры (Новосибирск, Москву, Санкт-Петербург). Межгосударственные мигранты, в основном из Казахстана, на треть компенсируют внутрироссийские потери. Внутренние миграции ориентированы на краевой центр Барнаул и его пригороды.

Республика Алтай (220,2 тыс. чел.) имеет нулевое сальдо миграции, при этом население возрастает за счет естественного прироста (на 0,5 ‰ в год). Миграционный прирост дает исключительно межгосударственная миграция, в основном из Казахстана. Миграционная нейтральность республики объясняется низким качеством жизни, компенсируемым свойствами уникальной природы и хорошей экологической обстановкой.

В *Красноярском крае* (2 866,3 тыс. чел.) сальдо миграции составляет +2,7 тыс. чел. Красноярский край имеет максимальный миграционный оборот среди всех сибирских регионов: в 2019 г. прибывших было 119,8 тыс. чел., выбывших — 122,6 тыс. чел. Относительные миграционные показатели сложились на среднесибирском уровне. Межрегиональный обмен населением приводит край к потерям, не компенсируемым межгосударственными миграциями. Край понес наибольшие миграционные потери в пользу Краснодарского края, Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Причины переселений в столичные города — широкий выбор мест работы, высокая зарплата, карьерный рост. Миграционный прирост города Красноярска затормаживается (от +4841 чел. в 2017 г. до +2478 чел. в 2018 г.) и сменяется убылью (–2443 чел. в 2019 г.).

Республика Хакасия (534,3 тыс. чел.) имеет миграционный отток –1,6 тыс. чел. Половину миграционного оборота составляют внутрирегиональные связи. Межрегиональные миграции вызывают отток населения из республики в Москву, Московскую область, Краснодарский край и Санкт-Петербург. Наиболее тесные связи у республики с Красноярским краем, на который приходится более половины межрегиональной миграции. Внутриреспубликанская миграция обеспечивает прирост населения Абакана.

Республика Тыва (327,4 тыс. чел.) отличается очень высокой степенью замкнутости миграционных связей. Сальдо миграции –3,8 тыс. чел. Продолжается миграционный отток сельских жителей в столицу республики — Кызыл. Известно, что «миграционное поведение тувинцев и русских заметно отличается. Среди уже выехавших за пределы республики доля русскоязычных мигрантов составила 57,3 %» [11, с. 89]. Факторами миграции, выталкивающими жителей из Тувы, являются проблемы низкого качества жизни в целом.

Иркутская область (2 391,2 тыс. чел.) имеет регулярный отток населения, сальдо миграции составляет –22,3 тыс. чел. Жители Иркутской области в основном переезжают в западные регионы страны с более комфортными условиями проживания, карьерными возможностями и сильной экономикой. Низкая подвижность населения при доминировании внутриобластной миграции приводит к тому, что большинство мигрантов переселялось в областной центр — Иркутск — и сопредельные с ним Иркутский и Шелеховский районы. Межгосударственные миграции компенсируют только до одной трети внутрироссийского оттока населения.

В *Республике Бурятия* (985,9 тыс. чел.) сальдо миграции составляет –10,2 тыс. чел. С 1990 г. практически во всех муниципальных образованиях республики наблюдалось отрицательное сальдо миграции.

Миграционные проблемы регионов Сибири

Регион	Миграционные проблемы						
	Арктика* (трудо- вахтовое мигранты)	Север** (постоянное население и вахтовое мигранты)	Субурбанизация в зонах влияния больших городов	Депопуляция периферии (миграция внутри региона: периферия→ центр)	«Западный дрейф» (рос- сийская меж- региональная миграция)	Транс- сибирский экономический коридор (зона стягивания на- селения)	Приграничье (регионы, в пределах которых есть пограничная зона)
ХМАО–Югра	–	+	+	+	+	–	–
ЯНАО	+	+	–	+	+	–	+
Тюменская область	–	+	+	+	+	+	+
Республика Алтай	–	–	–	+	+	–	+
Республика Тыва	–	+	–	+	–	–	+
Республика Хакасия	–	–	+	+	+	–	–
Алтайский край	–	–	+	+	+	–	+
Красноярский край	+	+	+	+	+	+	+
Иркутская область	–	+	+	+	+	+	–
Кемеровская область	–	–	+	+	+	+	–
Новосибир- ская область	–	–	+	+	+	+	+
Омская область	–	–	+	+	+	+	+
Томская область	–	+	+	+	+	–	–
Республика Бурятия	–	+	+	+	+	+	+
Республика Саха (Якутия)	+	+	+	+	+	–	+
Забайкаль- ский край	–	+	–	+	+	+	+

Примечание. «+» — наличие проблемы; «–» — отсутствие проблемы.

*Арктическая зона Российской Федерации (Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ).

** Районы Крайнего Севера и местности, приравненные к ним.

пии. Исключение всегда составляли лишь Иволгинский и Окинский районы [12]. Улан-Удэ демонстрирует «один из типичных вариантов формирования пригородной зоны вокруг областных (краевых, республиканских) центров на востоке России. В его основе лежит массовый приток сельских жителей...» [13, с. 58]. Улан-Удэнскую пригородную зону формировали выходцы из сельской Бурятии.

Забайкальский край (1 059,7 тыс. чел.) имеет сальдо миграции $-27,3$ тыс. чел., что делает регион сибирским лидером по интенсивности оттока населения. Внутрикравые миграции преобладают над внешними. Межгосударственные миграции имеют практически нулевое сальдо и весь миграционный отток (около 7 % в год) идет внутри России. Людей из Забайкалья выталкивают проблемы продуктивной занятости населения, уровня зарплат, качества жизни в целом. Внутри края только Чита привлекает людей.

В *Республике Саха (Якутия)* (972 тыс. чел.) сальдо миграции составляет -12 тыс. чел. Миграция населения в основном замкнута внутри республики. Межгосударственные миграции дают прирост, а внутрисибирские — отток населения. Якутскими контрастами являются высокая интенсивность миграции в центрах горнодобывающей промышленности и низкая миграционная активность коренных малочисленных народов Севера. Из промышленных районов миграционные потоки направлены преимущественно за пределы республики, а центр Якутии и сельские районы имеют устойчивые миграционные связи в пределах республики [14]. Концентрация рабочих мест в бюджетной сфере и услугах привела к тому, что две трети городского населения республики приходится на Якутск.

На основе проведенного анализа и оценки миграционной ситуации, выделенных факторов и тенденций миграции нами определено сочетание проблем миграции и регионального развития (см. таблицу).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное в таблице сочетание тенденций миграции и регионального развития дает систематизированное представление о миграционных проблемах сибирских регионов, объединенных по признаку географического положения.

Большинство указанных проблем, с различной степенью остроты, характерно для всех регионов. Часть проблем присуща лишь некоторым регионам. Так, проблемы северной миграции (для районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей) присутствуют в 10 регионах. Универсальной миграционной проблемой, которой подвержены все сибирские регионы, является только «западный дрейф» как генеральное направление межрегиональной миграции. Из всех шестнадцати регионов лишь Красноярский край можно назвать классическим сибирским регионом по наличию и яркой выраженности всех выделенных миграционных проблем.

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА–А19–119122490007–4).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Демографическая динамика регионов России и ее компоненты в 1959–2017 гг. // Народонаселение. — 2019. — Т. 22, № 1. — С. 4–20.
2. Красинец Е.С., Рязанцев С.В., Шевцова Т.В. Миграционные процессы: состояние, тенденции и проблемы государственного регулирования // Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие. — М.: Экон-Информ, 2015. — С. 13–31.
3. Шворина К.В., Фалейчик Л.М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 2. — С. 485–501.
4. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографическая безопасность регионов Сибирского федерального округа: оценка рисков // Вестн. Новосиб. гос. ун-та экономики и управления. — 2016. — № 1. — С. 10–21.
5. Воробьев В.В., Мисевич К.Н., Воробьев Н.В. Социально-демографические проблемы Сибири и Дальнего Востока // География и природ. ресурсы. — 2001. — № 2. — С. 5–15.
6. Воробьев Н.В. Географическая оценка миграции населения Сибири в условиях вызовов XXI века // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2014. — Т. 10, № 2 (13). — С. 455–459.
7. Воробьев Н.В. Миграция населения Сибири: постсоветские тенденции // География и природ. ресурсы. — 2019. — № 5. — С. 172–177.

8. **Демографический** ежегодник России. 2002–2019: Стат. сб. / Росстат [Электронный ресурс]. — <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 01.10.2020).
9. **Численность** и миграция населения Российской Федерации. 2008–2019: Стат. бюлл. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — <https://gks.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения 01.10.2020).
10. **Регионы** России. 2002–2019: Стат. сб. / Росстат [Электронный ресурс]. — <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 01.10.2020).
11. **Балакина Г.Ф., Анайбан З.В.** Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. — 2016. — № 10. — С. 85–92.
12. **Гончиков Ц.Д., Урбанова Ч.Б., Дымчикова Б.Ц., Эрдэнэсүх С.** Пространственно-временные аспекты миграции населения в приграничных районах Монгольского плато (на примере Бурятии и Монголии) // Успехи современного естествознания. — 2019. — № 4. — С. 43–50.
13. **Бреславский А.С.** Внутренняя миграция и формирование пригородных сообществ Улан-Удэ // Изв. Ирк. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. — 2012. — № 2 (9), ч. 2. — С. 52–59.
14. **Сукнёва С.А.** Тенденции миграционной динамики в Республике Саха (Якутия) // Вестн. СВФУ. Сер. Экономика. Социология. Культурология. — 2017. — № 1 (05). — С. 31–40.

Поступила в редакцию 16.11.2020

Принята к публикации 20.11.2020